

УДК 343.140.01

М.Т. Аршибекова*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНСТИТУТА УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ

В статье предлагается нормативно закрепить способы выражения состязательных начал при исследовании фактических обстоятельств уголовного дела, которые не были изначально вменены подсудимому, но обнаружались в судебном следствии при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу.

Ключевые слова: истина, фактические обстоятельства, обвинение, доказывание, суд.

Законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», подготовленный Следственным комитетом Российской Федерации [1], дал импульс к очередному витку дискуссии по проблеме истины в уголовном процессе. Впрочем, эта проблема – давняя. Ее острота связана с необходимостью осмысления направлений реформирования уголовного судопроизводства, роли суда в доказывании, его ответственности за эффективность осуществляемой им судебной защиты прав и интересов участвующих в деле лиц в связи с рассмотрением и разрешением уголовного дела.

Ясно, что спектр и теоретических, и законодательных проблем, обусловленный понятием «институт объективной истины», довольно широк. Поэтому остановим внимание лишь на некоторых вопросах, которые представляются интересными, в том числе и в свете имеющихся научных воззрений по данной проблематике.

Одним из обсуждаемых вопросов является вопрос об обоснованности использования в тексте закона понятия «объективная истина» [2, с. 29]. Как известно, в приведенном законопроекте предлагается в ст. 5 УПК РФ закрепить это понятие, определив объективную истину как соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения.

Само по себе это определение не таит никакой угрозы для судьбы уголовного процесса, так как определение «объективная», как представляется, указывает на связь полученных знаний о познаваемом объекте, обрисовывает именно этот объект – фактические обстоятельства, составляющие существо исследуемого общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом. При этом понятие «объективная истина» вовсе не обязывает считать ее выражением полного, абсолютного знания об объекте. Объективными по своему существу могут быть и неполные знания об объекте. Другое дело, что понятие «объективная истина» рассматривается в науке уголовно-процессуального права как символ розыскного уголовного процесса, в котором она обозначает цель доказывания и достигается усилиями и сторон, и суда. В этом смысле объективная истина противостоит формальной истине – результату доказывания в

* © Аширбекова М.Т., 2014

Аширбекова Мадина Таукеновна (madina.55@mail.ru), кафедра уголовно-правовых дисциплин, Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.

состязательном уголовном процессе, постигаемому исключительно усилиями сторон уголовного дела при полной беспристрастности суда, выражаемой в том числе в его пассивной роли в доказывании; в сдерживании его активности требованием неизменяемости обвинения в сторону ухудшения положения подсудимого, что одновременно означает консервацию пределов судебного следствия внесенными актами обвинения как по предмету, так и по пределам доказывания. Кроме того, имеются и другие свойственные состязательному процессу инструменты формальной истины – презумпции, преюдиции, благоприятствование стороне защиты, а также «свои» требования к допустимости и достоверности доказательств.

Влияет ли большая или меньшая концентрация инструментов формальной истины на характер полученного знания? Предполагается, что да. Считается, что содержанием формальной истины могут быть выводы и о не существовавших в действительности фактах. А содержанием объективной истины в каждом случае должны быть выводы о реально существовавших обстоятельствах. Эти выводы обеспечиваются превалированием в уголовном процессе инструментов объективной истины. Еще в недавнем прошлом одним из таких инструментов была обязанность свидетелей давать показания в отношении своих родственников, являвшихся либо обвиняемыми, либо потерпевшими. В состязательном же уголовном процессе свидетельские привилегии таких лиц в виде права отказа от показаний в отношении родственников выступают инструментом формальной истины.

Несмотря на определенные законом инструменты объективной и формальной истины, точных признаков, которые бы на практике по конкретному делу указывали бы на характер достигнутой «здесь и сейчас» истины, быть не может, если полученные знания – результат доказывания. И по правилам установления объективной истины, несмотря на то, что она – цель доказывания, и по правилам установления формальной истины, несмотря на то, что она – результат доказывания, выводы правоприменителя по вопросам факта всегда предстают только как результат. И поэтому судебные ошибки есть и в уголовном процессе с доминирующими состязательными началами, и в том, где превалируют розыскные начала, по крайней мере практика эта подтверждает. В октябре этого года газета «The New York Times» поместила довольно обширную статью, посвященную реабилитации двух человек, которые, будучи подростками в 1986 году, были ошибочно осужденными за убийство на основании их признательных показаний, от которых они впоследствии в суде отказались [3].

И во времена советского уголовного процесса, который никто не называет состязательным, и в нынешнее время факты незаконного и необоснованного осуждения и, соответственно, отмены обвинительных приговоров с прекращением уголовного преследования были и есть [4].

Поэтому следует согласиться с мнением Карла-Фридриха Штукенберга о том, что «уголовный процесс (все равно, в какой именно процессуальной модели, – в инквизиционной или в состязательной) не может обходиться без серьезных усилий, направленных на поиск материальной истины» [5, с. 86].

Иными словами, в любом из этих видов уголовного процесса истина не достигается вне доказывания, хотя порядок доказывания отличается. Поэтому считать, что формальная истина – это выводы о *доказанности* фактических обстоятельств дела, а объективная истина – нечто другое, чуть ли не метафизическое, думается, оснований нет. Во всяком случае в любом из типов уголовного процесса нет норм доказывания и правил оценки доказательств, которые в общем порядке производства по делу (исключая сокращенные производства) позволяли бы суду не считаться с правилом «отсутствия разумных сомнений» как критерия достоверности формулируемых выводов по вопросам факта. Конечно, последнее связано с внутренним убеждением судей

и не исключает погрешности этого убеждения в зависимости от их профессиональных качеств. Могут быть погрешности и в личностных качествах судьи, от которых предостерегает положение ч. 1 ст. 17 УПК РФ, требующее оценивать доказательства по совести. Очевидно, что и положение о нормально формируемом с учетом правила «отсутствия разумных сомнений» внутреннем убеждении судьи, и требование оценивать все доказательства по совести также можно рассматривать как презумпции: они предполагаются, но на деле в отдельных случаях могут и не быть. Поэтому даже в уголовном процессе с выраженными розыскными началами и, соответственно, с набором инструментов объективной истины не заявлено изначально и категорично о возможности достижения объективной истины во всех случаях. В противном случае в системе уголовного судопроизводства не было бы места судебно-проверочным производствам, выверяющим прямо или опосредованно доказанность фактических обстоятельств дела в связи с пересмотром приговора или иного судебного решения. К примеру, возобновление производства по уголовному делу ввиду открытия обстоятельств, которые, как указывает закон (п. 1 ч. 2 ст. 413 УПК РФ), *существовали* на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не были известны суду. Иными словами, не были доказаны.

Тем не менее разность технологий доказывания по признаку наличия в нем инструментов объективной истины и формальной истины позволяет говорить о доказывании, ориентированном соответственно на публичные и частные начала. Частные начала означают уважение волеизъявления частных лиц — сторон уголовного дела в вопросе распоряжения ими предметом уголовно-правового иска. Это происходит в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ). Если судом принимаются как достоверные выводы должностного обвинения о фактических обстоятельствах дела, которые не оспариваются ни подсудимым, ни потерпевшим, то эти выводы и есть содержание формальной истины. При этом у суда нет оснований для обращения к правилу об отсутствии разумных сомнений, поскольку доказательства в суде не исследуются и внутреннее убеждение у судьи не вызревает. Думается, что следует говорить о формальной истине не как о результате доказывания, достигнутого сторонами уголовного дела, а как о результате *отсутствия* судебного доказывания. Такая истина — чисто формальная.

Но основания для выделения формальной истины не такой степени чистоты остаются. Эти основания тем ярче, чем больше присутствие в доказывании инструментов объективной истины. К последним следует отнести нормативные положения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [6]. Этим законом в ч. 1 ст. 237 УПК РФ введен новый пункт 6, а сама статья дополнена новой частью 1.3.

Положения пункта 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ предписывают, что уголовное дело подлежит возвращению прокурору, если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния.

При этом возвращение уголовного дела по названному основанию может быть произведено как при наличии ходатайства стороны (тут законодатель следует состязательному началу), так и по собственной инициативе суда (тут явны признаки активности суда и присутствие публичного начала).

Отсюда следует, что если сторона обвинения не заявит соответствующего ходатайства, не выкажет никакого интереса к проявившимся указанного рода фактическим

обстоятельствам, то суд по своей инициативе должен не только решить вопрос о возвращении уголовного дела прокурору, но и предварительно установить, конкретизировать эти обстоятельства.

Положение п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ указывают на то, что суд более не связан позициями сторон по существу обвинения, хотя, как известно, в состязательном процессе пределы судебного разбирательства определяются существом вмененного подсудимому обвинения.

Если исходить из того, что суд не связан позициями сторон, то указанные новеллы означают отступление от состязательности. Если же исходить из того, что суд не должен замечать пробивающихся в судебном следствии обстоятельств, не познанных в досудебном производстве, то можно говорить о том, что дело не получит правосудного разрешения.

В любом случае ясно, что отсутствие реакции суда на видимые новые обстоятельства будет означать нарушение им положений п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Между тем положения новой части 1.3 ст. 237 УПК РФ обязывают суд при возвращении уголовного дела прокурору указать обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния. Но как быть, если сторона обвинения не настаивает на установлении характера этих фактических обстоятельств? Новеллы ст. 237 УПК РФ не опираются на другие нормы, которые позволили бы суду, не нарушая состязательных начал, установить сам факт существования этих обстоятельств, выяснить, что их наличие влияет на существо обвинения.

Видимо, надо, чтобы должностное обвинение и потерпевшие «подвигали» суд к установлению фактических обстоятельств, которые не были изначально вменены подсудимому актами должностного обвинения. Думается, что необходимо предусмотреть в законе новое положение — установление полномочия суда по окончании судебного следствия разъяснять возникшую ситуацию стороне обвинения (государственному обвинителю, потерпевшему, его законному представителю и представителю) с предложением определиться: заявлять ли им ходатайства о производстве судебно-следственных действий (например, допроса свидетелей, экспертов, специалистов) с целью установления существа этих обстоятельств. В таком случае сохраниться состязательная конструкция судебного разбирательства. В случае отсутствия реакции со стороны государственного обвинителя в рассматриваемом случае с суда должна сниматься ответственность за сохранение пределов судебного разбирательства в соответствии с обвинительным заключением (обвинительным актом). В противном случае суд должен будет проявлять активность в установлении характера таких обстоятельств, что, впрочем, также вытекает из смысла приведенных новелл ст. 237 УПК РФ и откровенно противоречит принципу состязательности.

Также остается неясным, как суд должен обосновывать, что эти обстоятельства — основания для квалификации действий подсудимого как более тяжкого преступления? Ведь в новой части 1.3 ст. 237 УПК РФ устанавливается, что суд не вправе указывать статью Особенной части УК РФ, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств. Не должен суд также делать вывод о виновности обвиняемого (подсудимого), что вполне понятно.

Тем не менее эти положения, предназначенные для акцентирования беспристрастности суда, не снимают ответственности суда за разрешение вопроса об установлении фактических обстоятельств, о которых идет речь в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Тема ответственности суда за результаты судебного доказывания развивается в приведенном законопроекте об институте объективной истины.

В нем предлагается обязать суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты [1].

Субсидиарная активность суда при определенных условиях допустима, даже если она и являет собой один из инструментов объективной истины. Но одно дело – субсидиарная активность суда в интересах частного лица (подсудимого или потерпевшего) в случае, когда профессиональные участники дела именно в судебном следствии не используют для защиты интересов этих частных лиц возникающие возможности при исследовании доказательств. Другое дело – неполнота доказывания (предварительного расследования), то есть промахи публичных субъектов – органов уголовного преследования, допущенные ими ранее, задолго до судебного разбирательства. Возложение на суд обязанности восполнять неполноту доказывания, о которой идет речь в приведенном законопроекте и, по сути, в новеллах ст. 237 УПК РФ, означает погружение суда в обвинение по собственной инициативе, что несовместимо с состязательным процессом, не говоря уже об ответственности суда за невыполнение несвойственной ему функции. Поэтому постановка вопроса в суде об исследовании фактических обстоятельств, требующих изменения обвинения с применением закона о более тяжком преступлении, должна исходить только от стороны обвинения. В связи с этим положения п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ следует переместить в ч. 1.2 этой же статьи, обозначив как новый пункт 3.

Это будет логично. Положения пунктов 1 и 2, содержащиеся в ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, по своей направленности сходны с положениями п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Они обязывают суд возвращать уголовное дело прокурору в связи с наступлением новых общественно опасных последствий ранее инкриминированного подсудимому деяния, а также новых и вновь открывшихся обстоятельств, являющихся основаниями для предъявления подсудимому обвинения в совершении более тяжкого преступления. Особенность же возвращения судом уголовного дела прокурору по этим основаниям в том, что оно может быть произведено только по ходатайству стороны. Ничто не мешает применять такой порядок и для случаев, указанных в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, а также рассматриваемых как неполнота доказывания.

Библиографический список

1. Паспорт проекта Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [Электронный ресурс. Доступ из справ.-правовой системы СПС «КонсультантПлюс», 2014. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Мезинов Д.А. «Объективная истина» в уголовном процессе: к дискуссии по законопроекту Следственного комитета Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2013. №1 (1). С. 29–36.
3. Moynihan C. 2 Brooklyn Murder Convictions From '86 Are Vacated // The New York Times. 2014. 15 oct. URL: <http://www.nytimes.com/2014/10/16>.
4. Обзор статистических данных о результатах деятельности Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению гражданских дел, дел об административных правонарушениях и уголовных дел за первое полугодие 2014 года. URL: <http://www.vsrj.ru/second.php>.
5. Штукенберг К-Ф. Исследование материальной истины в уголовном процессе // Государство и право. 2014. № 5. С.78–86.
6. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ // Российская газета. 2014. 25 июля.

References

1. Project charter of the Federal Law № 440058-6 «On amendments to the criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the introduction of an institution of establishment objective truth on a criminal case». Access from the reference legal system «Consultant Plus», 2014. Retrieved from: <http://www.consultant.ru> [in Russian]
2. Mizinov D.A. «Objective truth» in criminal proceedings: debate on the bill of the Investigative Committee of the Russian Federation. *Ugolovnaia iustitsiia [Criminal justice]*, 2013, no.1 (1), pp. 29-36 [in Russian].
3. Moynihan C. 2 Brooklyn Murder Convictions From '86 Are Vacated. *The New York Times*, 2014, 15 October. Retrieved from: <http://www.nytimes.com/2014/10/16>
4. A review of statistical data on the activities of the Supreme Court of the Russian Federation for civil cases, cases on administrative offences and criminal cases for the first half of 2014. Retrieved from: <http://www.vsrp.ru/second.php> [in Russian]
5. Shtukenberg K-F. Study of material truth in the criminal process. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 2014, no. 5, pp.78-86 [in Russian].
6. On Amendments to the Articles 236 and 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation dated July 21, 2014 № 269-FZ. *Rossiiskaiia gazeta*, 2014, July 25 [in Russian]

*M.T. Ashirbekova**

ON SOME ISSUES OF THE INSTITUTE ON ESTABLISHING THE OBJECTIVE TRUTH

In the article it is suggested to entrench regulatory means of expression of the principles of controversy when examining the factual circumstances of the criminal case, which were not originally imputed to the defendant, but was revealed in judicial investigation in the review and resolution of a criminal case on the merits.

Key words: truth; factual circumstances; prosecution; proving; court.

* *Ashirbekova Madina Taukenovna*, (madina.55@mail.ru), Department of Criminal Law Disciplines, Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, 400131, Russian Federation.